

Научные доклады высшей школы

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тематический выпуск

Литературоведение: наука и здравый смысл.
К 95-летию профессора Валентина Евгеньевича Хализева

Главный редактор /
Editor-in-Chief

Ю.Е. Прохоров,
д. ф. н., д. п. н., проф.

Заместители главного редактора /
Deputy Editor

У.М. Бахтикиреева, д. ф. н., проф. (РУДН)
языкознание

М.А. Черняк, д. ф. н., проф. (РГПУ)
литературоведение

Первый заместитель главного редактора
Principal Deputy Editor-in-Chief

В.Н. Базылев, д. ф. н., проф.

Международный редакционный совет /
International Advisory Board

Ян Вавжинчик, д. ф. н., проф. (Варшавский ун-т, Польша)
Б.В. Дооге, PhD (Гентский ун-т, Бельгия)
А.Д. Дуличенко, д. ф. н., проф. (Тартуский ун-т, Эстония)
М.Н. Лейдерман (Липовецкий), д. ф. н., проф. (Колумбийский университет. Нью-Йорк)
М.А. Литовская, д. ф. н., проф. (National Chengchi University — R.O.C.Taiwan и УрФУ)
В.В. Мадоян, д. ф. н., проф. (Ереванский университет международных отношений им. Ан. Ширакаци. Армения)
В.А. Маслова, д. ф. н., проф. (Витебский ун-т, Беларусь)
И.Г. Овчинникова, д. ф. н., проф. (Ун-т Хайфы, Израиль)
М. Попова, чл.-кор. Болгарской АН, д. ф. н., проф.
М. Рубин, д-р филол. (Лондонский ун-т, Великобритания)
И.Л. Савкина, д-р филос. (Ун-т Тампере, Финляндия)
Э.Д. Сулейменова, д. ф. н., проф. (КазНУ, Казахстан)
М.В. Тлостанова, д. ф. н., проф. (Линчепингский ун-т, Швеция)
Р. Чандлер (Лондонский ун-т Королевы Марии, Великобритания)
С. Кипер, Ph.D. (Университет Александра Иоан Куза, Румыния)
А. Павленко, Dr. (Ун-т Темпл, США)
Х. Вальтер, проф. (Грайфсвальдский ун-т, Германия)

Редакционная коллегия /
Executive Board

М.П. Абашева, д. ф. н., проф. (ПермГПУ)
И.Л. Волгин, д. ф. н., проф. (МГУ)
Т.Т. Давыдова, д. ф. н., проф. (Мосполитех)
С.А. Кибальник, д. ф. н., проф. (Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)
О.А. Клинг, д. ф. н., проф. (МГУ)
Н.В. Ковтун, д. ф. н., проф. (КГПУ им. Астафьева)
Р.Р. Кожухаров, к. ф. н., доц. (Литинститут им. Горького)
Е.И. Колесникова, д. ф. н., вед. н. с. (Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)
Н.М. Малыгина, д. ф. н., проф., вед. н. с. (ИМЛИ РАН)
З.А. Кучукова, д. ф. н., проф. (КБГУ)
М.А. Марусенко, д. ф. н., проф. (СПбГУ)
Д.С. Московская, д. ф. н., гл. н. с. (ИМЛИ РАН)
И.А. Панкеев, д. ф. н., проф. (МГУ)
Е.Н. Пенская, д. ф. н., проф. (НИУ ВШЭ)
В.В. Перхин, д. ф. н., проф. (СПбГУ)
Н.Н. Примочкина, д. ф. н., проф., в. н. с. (ИМЛИ РАН)
В.И. Хайруллин, д. ф. н., проф. (БашГУ)
А.А. Холиков, д. ф. н. (МГУ)
И.С. Хугаев, д. ф. н., вед. н. с. (Владикавказский НЦ РАН и РСО-А)

Редакция / Editorial Staff

Шеф-редактор / Editorial Director

Л.Г. Тюрина, д. ф. н., проф.

Редактор / Editor

И.В. Проскурякова

Корректор / Proofreader

Д.В. Балтрушайтис

Компьютерный дизайн, верстка / Designer

С.В. Пушина

Издательство / Publishing office

**Инновационный научно-образовательный
и издательский центр (ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ»)**

Почтовый адрес:

117342, Москва, ул. Введенского, д. 23А, стр. 3

Тел. 8 (495) 99-88-612

+7 (985) 99-88-612

e-mail: philnauki@gmail.com

URL: <https://filolnauki.ru>

Тематический выпуск

Литературоведение: наука и здравый смысл.

К 95-летию профессора Валентина Евгеньевича Хализева

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Холиков. Хализев Валентин Евгеньевич: опыт справочно-энциклопедической статьи	4
В ДИАЛОГЕ НЕПОЛНОГО СОГЛАСИЯ	
О.Е. Осовский, С.А. Дубровская. В.Е. Хализев в истории отечественной рецепции личности и идей М.М. Бахтина	9
С.А. Мартынова. Записи и комментарии В.Е. Хализева на полях книги В.Я. Проппа «Морфология сказки»	20
Д.С. Московская. Историзм против догматизма: еще о вненаправленном литературоведении 1920-х годов	25
А.В. Филатов. Место и роль контекста в интерпретации литературного произведения: методологический аспект	35
ДРАМА КАК ЯВЛЕНИЕ ИСКУССТВА	
В.И. Тюпа. Мнимые трагедии как экспериментальная пьеса Пушкина	42
Ю.В. Доманский. Чеховский «Вишневый сад» в прочтении В.Е. Хализева	50
Е.А. Андрущенко. «Будет радость» Д.С. Мережковского в свете теории драмы В.Е. Хализева	56
В.В. Доценко. Современная русская драма: объем понятия, проблемы периодизации и типологии	64
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР	
О.А. Богданова. Усадьба как «мироприемлющее начало» (В.Е. Хализев) в русской литературе XVIII–XX веков	72
Н.М. Солнцева. Крестьянская утопия в романах С.А. Клычкова и христианский социализм	81
Л.Г. Кихней. Жанр как социальная институция: к механизмам жанровой эволюции оды и эпиграммы	88
И.В. Мотейунайте. Пушкинский миф и ценностные ориентации современной русской публики	97
ТРАДИЦИИ В ДВИЖЕНИИ ВРЕМЕНИ	
И.П. Сапунова. Надындивидуальные и авторские мифы: параметры разграничения в историко-литературной перспективе	104
Е.А. Тахо-Годи. О чем молчат тексты и эгодокументы? К вопросу об авторской практике Д.С. Мережковского	112
О.В. Никандрова. От карнавала до макабра: образ маскарада в культуре Серебряного века	125
О.Р. Темиришина. «Поэтика тела» в творчестве В. Маяковского 1910–1920-х годов	131
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
Г.В. Зыкова. А.А. Золотарев о русской классической литературе: наброски к докладам (по материалам РГАЛИ)	143
А.П. Дмитриев. «В Ваших мыслях ощущаю много сродного своему и себе»: В.Е. Хализев в его письмах Б.Ф. Егорову за 1980–2007 годы	147
РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Г.И. Романова. Продолжение диалога. Рецензия на книгу: Хализев В.Е. Литература как со-бытие	154
А.В. Филатов, А.А. Холиков. Научные чтения памяти В.Е. Хализева	159

Thematic Issue

*Literature Studies: Science and Common Sense.**On the 95th Anniversary of Professor Valentin Evgenyevich Khalizev*

CONTENTS

A.A. Kholikov. Khalizev Valentin Evgenyevich: Experience of an Encyclopedic Article	4
IN THE DIALOG OF INCOMPLETE AGREEMENT	
O.E. Osovsky, S.A. Dubrovskaya. V.E. Khalizev in the History of Russian Reception of M.M. Bakhtin's Personality and Ideas	9
S.A. Martyanova. Notes and Comments by V.E. Khalizev in the Margins of V.Ya. Propp's Book "Morphology of the Fairy Tale"	20
D.S. Moskovskaya. Historicism vs. Dogmatism: Once Again About 'Out-of-School' Literary Theory	25
A.V. Filatov. Place and Function of Context in the Interpretation of Literary Work: Methodological Aspect	35
DRAMA AS A PHENOMENON OF ART	
V.I. Tiupa. Imaginary Tragedies as an Experimental Play by Pushkin	42
Yu.V. Domanski. Chekhov's "The Cherry Orchard" as Read by V.E. Khalizev	50
E.A. Andrushchenko. "Joy Will Come" by D.S. Merezhkovsky in Light of V.E. Khalizev's Theory of Drama	56
V.V. Khalzenko. Modern Russian Drama: Scope of the Concept, Problems of Periodization and Typology	64
VALUE ORIENTATIONS AT THE CROSSROADS OF CULTURES	
O.A. Bogdanova. Estate as a 'World-Accepting Principle' (V.E. Khalizev) in Russian Literature of the 18th–20th Centuries	72
N.M. Solntseva. Peasant Utopia in S.A. Klychkov's Novels and Christian Socialism	81
L.G. Kikhney. Genre as a Social Institution: On the Mechanisms of Ode and Epigram Genre Evolution	88
I.V. Moteyunaite. Pushkin's Myth and Value Orientations of the Modern Russian Public	97
TRADITIONS IN THE MOVEMENT OF TIME	
I.P. Sapunova. Superindividual and Author's Myths: Parameters of Delimitation in Historical and Literary Perspective	104
E.A. Takho-Godi. What are the Texts and Ego Documents Keep Silent About? On the Issue of the Author's Practice of D.S. Merezhkovsky	112
O.V. Nikandrova. From Carnival to Macabre: The Image of Masquerade in Silver Age of Russian Culture	125
O.R. Temirshina. "Poetics of the Body" in the Works of V. Mayakovsky, 1910–1920s	131
FROM THE FIRST PERSON	
G.V. Zykova. Alexey Zolotarev on Russian Classic Literature: Drafts for Speeches (Materials of the Russian State Archive of Literature and Arts)	143
A.P. Dmitriev. "In Your Thoughts I Feel Much That is Akin to Mine and to Myself": V.E. Khalizev in His Letters to B.F. Egorov for 1980–2007	147
REVIEWS	
G.I. Romanova. Continuation of the Dialog. Book Review: Khalizev V.E. Literature as Co-Existence	154
A.V. Filatov, A.A. Kholikov. Scientific Readings in Memory of V.E. Khalizev	159

Почтовый адрес редакции

117342, ул. Булгерова, 17Б, пом. 15/5

E-mail: philnauki@gmail.com

filolnauki.ru

Тел.: 8 (495) 99-88-612,

+7 (985) 99-88-612

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-53540

от 10 апреля 2013 г.

Учредитель и издатель

Инновационный научно-образовательный и издательский центр «АЛМАВЕСТ»

Подписано в печать 26.08.2025

Отпечатано в ООО «САМПРИНТ»

129090, г. Москва,
Протопоповский пер, д. 6.

Тел.: +7 (495) 554-37-10

Тираж 500 экз.

© Филологические науки.
Научные доклады высшей школы, 2025.

УДК 82"192"

DOI 10.20339/PhS.5.2-25.025

Д.С. Московская

Историзм против догматизма: еще о вненаправленном литературоведении 1920-х годов¹

В статье рассматривается мировоззренческий генезис трудов А.А. Ухтомского, А.А. Золотарева и близкого к ним по духу Н.П. Анциферова, получивших в работах В.Е. Хализева определение вненаправленного литературоведения. Глубинное родство этих биографически близких друг другу мыслителей коренится в формирующейся в европейской мысли конца XIX — начала XX в. философии жизни как основы для новой теории культуры. В социологии оформляется понятие об обществе как общении. На смену экономическому детерминизму приходит понятие традиции как исторического опыта передачи изменчивого смысла знаков социального общения. В самом общем виде в трудах Ухтомского, Анциферова, Золотарева разрабатывалась проблема понимания чужой одушевленности и методы герменевтической экзегезы — понятия, не получившего в советской науке распространения. Все это объясняет принципиальную нетерминологичность использованного этими мыслителями понятийного аппарата. В то же время им принадлежит ряд понятий и концепций, таких как «доминанта на лицо другого», «заслуженный собеседник», «реальная наука», «фланер»/«наблюдатель», «дальнозоркость», введенных ими впервые в научный оборот или заимствованных у близких им по духу мыслителей. Методологически связанные друг с другом, эти понятия указывают на активную вовлеченность личности ученого в им вершимые познавательные процессы и призваны выявить в литературном памятнике причастность текста к жизненному общению — к истории.

Ключевые слова: генезис «вненаправленчества», герменевтика, языки культуры, фланер, доминанта, В.Е. Хализев, Н.П. Анциферов, А.А. Золотарев, А.А. Ухтомский, М.М. Бахтин, А.В. Михайлов

This article examines the philosophical genesis underpinning the works of A.A. Ukhtomsky, A.A. Zolotarev, and the kindred thinker N.P. Antsiferov, whose approach V.E. Khalizev defined as 'out-of-school' literary studies. The profound affinity between these biographically connected thinkers stems from the emerging 'philosophy of life' within late 19th and early 20th century European historical and philosophical thought, which served as a foundation for new cultural theory. Concurrently, sociology developed the concept of society as communication. Economic determinism was supplanted by the concept of tradition, understood as the historical experience of transmitting the mutable meaning embedded in the semiotic markers of social communication. Fundamentally, Ukhtomsky, Antsiferov, and Zolotarev explored the problem of comprehending another's inner life and methods of hermeneutic exegesis — concepts that found little traction in Soviet scholarship. This context explains the deliberate avoidance of rigid terminology within their conceptual frameworks. Nevertheless, they originated or adopted from like-minded thinkers a few significant concepts and theories introduced into academic discourse, such as 'dominant focus on the face of the other', 'deserving interlocutor', 'real science', 'flaneur/observer', and 'farsightedness'. Methodologically interconnected, these concepts highlight the scholar's active personal engagement within their own cognitive processes. They were designed to reveal within a literary artifact the text's intrinsic connection to lived communication — that is, to history.

Keywords: genesis of 'out-of-school' literary theory, hermeneutics, cultural languages, flaneur, dominant, V.E. Khalizev, N.P. Antsiferov, A.A. Zolotarev, A.A. Ukhtomsky, M.M. Bakhtin, A.V. Mikhailov

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-18-00196 «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)». URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>.

The research was financially supported by the Russian Science Foundation № 25-18-00196 "From Early Writers' Associations to the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers: Genesis of Institutional Forms in the Cultural Construction of the RSFSR/SSR (Digital Archive of Documentary Data and Research)". URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>.

Валентин Евгеньевич Хализев (далее — В.Е.) с полным правом мог бы повторить вслед за Н.П. Анциферовым записанное им в научном дневнике своей жизни «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность» признание:

Никогда, в продолжении всей моей профессии, я не терял из вида <...> обязанность историка. Я подал многим забытым умершим помощь, в которой сам я буду нуждаться. Я открыл их могилы для новой жизни. <...> Так создается одна семья, один град общий для мертвых и живых [1. С. 162].

Безоглядному скептицизму и нигилизму, которыми было одержимо отечественное литературоведение под воздействием официальной марксистской идеологии, расслоившей историческую память на классово враждебные потоки и тем разрушавшей целостность национальной культуры, В.Е. противопоставил... любовь. В ходе работы над книгой мемуаров «В кругу филологов» он свидетельствовал:

А.А. Ахматова однажды сказала, что писать подобает только о тех, кого любишь. Вполне с этим согласен. Не будь у меня опасений выглядеть сентиментальным, назвал бы книгу «Моя большая семья». Персонажи очерков оставили во мне, по выражению поэта, «незримый долгий след». След благой и пожизненный. Мои воспоминания — это прежде всего слово благодарности, к ним обращенное [2. С. 6].

В признании ученого, адресованном кругу людей, с которыми свела его судьба и чье присутствие в его жизни было благодатным, правильно видеть не только присущую В.Е. человечность, но нравственную позицию, одна из граней которой обращена к его научной деятельности литературоведа. Речь идет о нравственно ориентированной философии, которая лишает «чистое мышление» своей автономности, а вместе с тем меняет и отношение исследователя к писателю, и подходы к изучению его творчества. Подготовленная всем ходом отечественной истории и собственной жизни встреча с наследием М.М. Бахтина лишь обнаружила присущую не столько разуму, сколько сердцу В.Е. традицию мышительства первых десятилетий XX в., восходящего к христианскому сознанию и самосознанию. Бахтинские формулы, такие как «ответственность», «роковой теоретизм», «соблазны эстетизма», «ценности сомнения», и ключевая для Бахтина идея диалога (В.Е. цитировал слова философа: диалог — это «мысль о Боге в присутствии Бога» [Там же. С. 199]) углубили уже осознанный интерес В.Е. к художественно-эстетическим формам укорененной в веках аксиоматики мироотношения и поведенческих установок, чуждых какому-либо цинизму.

В круг заочных учителей, как определял их В.Е. (правильнее было бы назвать их «заслуженными собеседниками» В.Е.), вслед за Бахтиным вошли Алексей Алексеевич Ухтомский и его друг Алексей Алексеевич Золотарев. Товарищеским отношениям Николая Павловича Анциферова и Золотарева [3. С. 237–264] я обязана новой, после окончания Московского государственного университета, встречей со своим профессором для совместной работы над книгой избранного Золотарева «Campo Santo моей памяти» [4]. Готовя к печати труды Золотарева, мне было нетрудно уловить следы несомненного влияния на В.Е. обаяния личности, судьбы, философского исповедания этого близкого семье Нифонтовых-Хализевых человека. В ходе работы над словарем «Русские писатели. 1800–1917» В.Е. было суждено вспомнить о давних связях его семьи с Золотаревым и всецело сосредоточиться на собирании и изучении его наследия [Там же. С. 839–840]. На В.Е., потомке костромского протоиерея о. Иоанна Пospelова, сбылись слова Золотарева:

Русская жизнь и история, русская наука и искусство, русские литература и театр немало обязаны своим особым душевным и в то же время твердым складом русским попovichам. Изучая или только мимоходом знакомясь с такими историками, как С.М. Соловьев или В.О. Ключевский, с такими учеными, как А.С. Попов, изобретатель радио, или И.П. Павлов, первый среди физиологов, с Чернышевским и Добролюбовым, с архитектором Баженовым и актером Качаловым, мы в той или иной степени постигаем значение для нашего русского быта духовного сословия как не исчерпаемого источника идеализма, пронизывающего сверху до низу все наше идейное творчество [Там же. С. 816].

Отличительные признаки живого

Итак, необходимость поставить рядом в истории русской гуманитарной мысли имена биографически близких друг другу Ухтомского, Золотарева и Хализева внутренне закономерна. Для каждого из них чувство было путем к реальному миру. Как жизненный и как научный путь представился им диалог с Другим. Воплощением этих ценностных ориентаций, по мнению В.Е., стал «пристальный интерес к личности», присущий русской классике. Ее жизне- и человековедческий опыт важен тем, что затрагивает фундаментальные вопросы эстетики: вопросы ценности и действительности, художественности и сплетенности ее с законами вещей — с наукой. Опыт русской классики важен своей обращенностью к ключевой для гуманитаристики в целом и для литературоведения в особенности проблеме понимания чужой одушевленности, чужих ценностей и целеполаганий, что, в свою очередь, вело литературоведение к неизбежной персонализации — к осознанию смысловой устремленности художественных творений.

Отличительным признаком живого, по Ухтомскому, является время: оно представляет жизнь как необратимый процесс. В литературоведении, как писал А.В. Михайлов, мы познаем себя только в будущем: аксиоматика предыдущего периода становится для науки доступной и прозрачной задним числом. Таким образом, наука о литературе черпает свои основания из того будущего, которое ей еще недоступно, строится на том, что может объявиться внутри нашего знания, что будет обнаружено со временем, постепенно. Так происходило с наследием Золотарева и Ухтомского: их научная и мировоззренческая общность была раскрыта в трудах В.Е. Ему принадлежит исторически и теоретически значимое определение «вненаправленческой» литературоведческой мысли, той, что сторонится «амбициозных схем» и стремится к опытному исследовательскому началу [5. С. 40], той, что сродна персонализму, но не в «ницшеанской» его ветви.

«Собственно мировоззренческий фундамент трудов русских “вненаправленцев” XX века, чаще всего явленный косвенно и опосредованно, нуждается в специальном рассмотрении», — писали В.Е. и его соавтор [Там же. С. 50]. Отвечая этому призыву, скажем, что в наследии наших мыслителей и близкого к ним по духу Анциферова явила себя своеобразная область пересечения российской и европейской интеллектуальных традиций. Сложившиеся как личности на почве русской жизни, Ухтомский, Золотарев и Анциферов профессионально формировались на идейном материале, выработанном европейской научной мыслью и переработанном в согласии с историческим опытом и идеями отечественной науки, прежде всего с данными оформлявшейся на рубеже веков русской социологической школы. Ее отличало преимущественное этико-психологическое и теоретико-познавательное начало, сказавшееся в выяснении свойств познающего и оценивающего социальные явления субъекта. Исследовательское внимание сосредотачивалось на состоянии человеческой души и категориях духовной жизни: бытии, долженствовании, возможности и необходимости — всем том, что имеет отношение к реальному содержанию существования индивида, его интересам и запросам. Не столько экономические факторы, сколько идеальные факторы в жизни общества выдвигались в качестве основополагающих в теории социального прогресса. Определение социума основывалось на категориях общения индивидов (см.: [6; 7. С. 27–32]). Такова была эпоха «опредмечивания духа», которой принадлежали наши мыслители, накопившая огромный философский и эстетический потенциал антириторических, антимеханистических сил культуры.

Она решительно переводила научную мысль в принципиально новое русло, хотя и рифмующееся с отстоявшим от нее примерно на сто лет моментом, когда явили свои философские и художественные возможности романтизм и реализм. Это было время установления тесных отношений «теории» и «истории», психологии и историографии, психологии и обществоведения, когда заостренная в механистическом сознании изолированность идеи и опыта, науки и художественности, действительности и ценности теряла свою «рассудочность» и мысль училась

«идти не от элемента, а от образа» (В. Гумбольдт). Полученная таким образом картина мира противилась теоретическому высокомерию, превращающему «мышление в нечто свободно парящее, в самом себе вращающееся, оторванное и изолированное от живого бытия человека и именно поэтому также от бытия мира» (Гёте) (цит. по: [6. С. 198]). Там, где позитивистское мышление видело механический закон прогресса, усматривалось проявление творческого «духа народа» [8]. История человечества представляла не хроникой событий, объединенных концептуальной схемой, но органом «приобретения сознательного отношения к миру действительности» [9. С. 490], историей «самопознающей души» (А. Белый) и в своей академической версии была отчасти близка философско-антропологическим исканиям русских религиозных философов, метафизике всеединства, восходящей к Вл. Соловьеву своей «бытийственной ориентацией».

Русская литература была источником, к которому они прибегали для разъяснения своих идей. В ней разрешался вопрос целостности, или «сплошности», бытия, противоположной всякой «систематике». Это была важная особенность русской мысли, принявшей на заре XVIII в. от Европы «готовое слово» науки и культуры. Русской мысли была свойственна ориентация на действительность как она есть, поэтому она смогла выразиться, как писал А.В. Михайлов, «посредством чрезвычайно гибкого, вырвавшегося на свободу» слова. Русское «отставание», или «опоздание», обернулось для России пробуждением антириторических «сил» культуры, явственно о себе заявивших в русском романе. Как утверждал современник Ухтомского историк Н.И. Кареев, русской мысли в сравнении с европейской было легче игнорировать ««средостение» между наукой и правдой», естественнее было видеть за «разными словами», терминами и понятиями «самое реальное явление в моральном и социальном мире — живую человеческую личность» [8. С. 7].

Творческая сила главных героев научных штудий В.Е. последних лет — Золотарева и Ухтомского — произрастала из действительности и в то же время проистекала из целостного источника их личности. Составляющими ее были семейная традиция, где ясно прослеживается религиозное начало — евангельское Откровение, представляющее истину не в удалении от жизни в сферу условных понятий, а в углублении в жизнь, и увлечение естествознанием не в смысле только морфологии форм, а в смысле поиска идеи, памяти, традиции, определяющей бесконечные трансформации формы.

Аксиоматика «вненаправленчества»

Важность освоения заложенных в наследии Ухтомского идей и смыслов в том, что они представляют собой пограничную область формирующейся, уходящей уже от нас в будущее из прошлого историко-культурной аксиоматики, той, что формирует «подсознание» любой науки и любой культуры, а именно то, что А.В. Михайловым позже было названо новым мышлением истории. В.Е. был одним из тех, кто безоговорочно признал беспрецедентную интеллектуальную силу Михайлова, на развалинах гуманитарной мысли 1990-х гг. напомнившего отечественному литературоведению об утерянной им культуре диалога, о невозможности беспрепятственно транспонировать собственный язык на другие языки культуры. Небезобидную операцию излагать то, что принадлежит другому времени и другому сознанию, на своем языке Михайлов назвал «обратным проецированием».

Оно игнорирует персональность местного/индивидуального мышления истории, определяемую не случайными превратностями судьбы и не абстрактными законами истории, но человеческими эмоциями, организовавшими некогда существование социума в согласии с конкретными и содержательными законами любви, сострадания, страха или зла. В особом чувстве истории как неповторимо индивидуальном способе словесного и бытового оформления мира коренится глубинное родство философского учения наших мыслителей поискам отечественной и миро-

вой гуманитарной, а точнее, исторической и философской мысли конца XIX — начала XX в., формирующейся в ней философии жизни как основания для новой теории культуры. В те же годы в отечественной социологии оформляется понятие культурных ценностей человеческого взаимодействия. К ним Питирим Сорокин относил ценностные классы, выработанные античной классикой: когнитивные (Истина), эстетические (Красота), социальной морали (Добро) и конституирующие все остальные ценности в единое социальное целое (Польза), знаками которых (или «проводниками», в терминах Сорокина) являются «материальные предметы» (храм, статуя, живопись, музыка и пр.). Объективирующие в себе субъективную психику, они представляют исторически изменчивые чувства, мысли, переживания, настроения, которые, в свою очередь, определяют формы социального общения: борьбу, солидарность, любовь, сочувствие, враждебность и пр. Так как генетически элементы психической реакции развились из эмоций, или «рефлексов», то непосредственно близкой областью, примыкающей к области социологии, оказывалась психофизиология, в которой специализировался Ухтомский. От низшего уровня рефлексов, от декартовского понимания человека как биологического автомата он восходил к человеку, обладающему душой, способной к накоплению опыта, наделенной интуицией, свободой выбора, возможностью развиваться, «уловить, воспринять, заметить и отразить новые стороны бытия», т.е. способной определять свое будущее не только из внешнего воздействия, но и из своего состояния, из своей истории. Это новое понимание требовало нового языка описания, и он вырабатывался коллективно в историографии, социологии, теории культуры. На смену экономическому детерминизму, рефлексорной реакции творческого сознания на превратности бытия приходит понятие традиции как исторического опыта передачи изменчивого смысла знаков. Категории общения, изменившие отношения денотативной и коннотативной составляющих словесных знаков, позволили Бахтину ввести в ранг важнейших категорий гуманитарного познания такие личностные оценки, как «тайна, ложь, откровение, нескромность, оскорбление и др.» [10. С. 395], и представить новый предмет гуманитарного знания как «выразительное и говорящее бытие» [Там же. С. 8].

В определении предмета гуманитарных наук, предложенном Бахтиным, кроется возможность диалога с собеседником, отдаленным от исследователя историческим пространством и временем. Признание чужой одушевленности дает возможность «вновь дать выражение ходу мысли, представленному в сказанном слове», воскресить, понять и принять заложенную в нем точку зрения изнутри традиции и общей человеческой природы общения. Таков путь обретения «заслуженного собеседника», чей образ не завершает воспринимающее сознание, не вершит над ним суда, но открывает возможность «проектировать и осуществлять с ним новую лучшую жизнь» [11. С. 128]. Этот образ и понятие, предложенные этической программой Ухтомского, были раскрыты в бахтинской концепции диалога, распространяющейся на литературоведческую интерпретацию текста, когда «исследование становится спрашиванием и беседой, т.е. диалогом» [12. С. 312], когда «объектное отношение» к чужой речи требует от собеседника не просто любить его или жалеть, но главное — его понимать. Это альтернативный узкому пространству механистических наук «путь к истине через брата, к истине живой, конкретной и содержательной, <и то,> как она сама раскрывается в истории от родов древних и далеко впереди нас» [13. С. 391]. В отказе от типизации и преодолении седиментации — освобождении от собственных интеллектуальных привычек — суть призыва Ухтомского, обращенного к готовым его услышать:

Нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности: реальная наука, не замкнувшаяся в тогу схоластики, целиком наблюдательна! [Там же. С. 283].

Из афористических определений реальной науки, данных Ухтомским, следует ее методология. Во-первых, признание изменчивого и многомерного измерения предмета или явления, зависящего от точки зрения наблюдателя, является ценностью, обладающей качеством истинности:

«Каждый отдельный человек является уполномоченным всего человечества; всякое его наблюдение и мысль представляют из себя достояние всего человечества» [Там же. С. 284]. Во-вторых, метод реальной науки имеет дело в буквальном смысле со знаком как внешней оболочкой мира в его последней конкретности, но не ограничивается им и направлен на то, чтобы соединять его познание с внутренним уровнем, с тем, что определяет этот знак как знак состояния системы, что требует учета множества факторов, не сводимых к физиологическому механизму внешнего воздействия. Таково требование разработанного Ухтомским учения о доминанте как «рабочей позе» организма, решающего в данный момент свои задачи. Отсюда следовало недоверие Ухтомского к морфологическому, статическому научному подходу: его новая наука через учение о доминанте выводит статику из динамики, освещает смысл морфологических данных из динамики системы, а не наоборот. Размышления Ухтомского отвечали новому представлению о стадиальности в культуре в набравшей силу концепции «переходных эпох», например, в трудах Ивана Гревса, посвященных средневековой культуре, и солидарных с ними размышлениях Михайлова о художественной сущности барокко и романтизма: «...если они указывают на определенные временные границы существования литературных явлений, то сами эти границы всегда размыты. Сами эти понятия указывают на переходы, переломы в литературном развитии, даже на превращения, метаморфозы, которые постоянно совершаются в нем, — куда более, нежели на мнимую устойчивость явлений» [14. С. 7]. В призме учения о доминанте следует рассматривать литературные эпохи как результат состояния системы, которое выводится из целостного представления ее предыдущих состояний, из накопившейся ее предыстории, следов когда-то пережитых доминант.

В-третьих, научный словарь Ухтомского пополняется понятием «дальнозоркость», означающем способность предвидеть глубокие основания состояния системы в ее динамике. В отсутствие более точных инструментов и методов обобщения нужной «дальнозоркостью» обладает интуиция, свойственная как научному, так и художественному познанию: «...там, где наши глаза и уши не досягают, предупредителями служат мысли, выведенные из опытов прошлого; там, где обрываются наши старые опыты, приходится прибегать к предупреждениям интуиции, поэтической догадки» [13. С. 343]. При всей условности метафоры Ухтомский вкладывал в понятие интуиции не столько мистический, сколько научно-практический смысл, который отчасти восходит к Гёте с его поиском «прастения», которое представляет основание и объяснение всему многообразию растительного мира. В логике Ухтомского и Гёте основанием для поэтической догадки служат конкретные вещи, которые содержат в себе элементы прошлого и будущего состояний системы. Для улавливания динамики системы пригодны частные события или явления, в которых, однако, сосредоточены значимые признаки настоящего ее состояния и где сходятся и расходятся линии дальнейшего жизненного ее развития.

Из сказанного следует четвертый вывод: метод реальной науки родственен художественной идеографии, имеющей дело в буквальном смысле с видом — внешней оболочкой мира — в его последней конкретности, постигая которую, как пишет Анциферов, художник интуитивно постигает все элементы мира «на основе целого и из целого». Закономерен вывод Анциферова: «Интуиция — один из ценных путей к целокупному познанию» [15. С. 32]. Это «солнцеподобный глаз» Гёте [16. С. 165], который соединяет внешний и внутренний уровни познания, или приемы идеографии и целокупного подхода, представляющие модель двунаправленного научного и художественного познания у Анциферова в статье «Беллетристы-краеведы», а в словаре Ухтомского обнаруживает себя в понятии «дальнозоркости», метафоризирующем уровень проникновения в связи верхнего, идеографического слоя с нижними, концептуальными.

И вот пятый вывод: подлинное наблюдение чуждается опережающего контроля (предвзятости) со стороны разума. Если «глаз художника» наблюдает «подконтрольно», стремясь «приспособить» увиденное к самому себе и к свойственному ему способу постижения, он остается наедине со

своим Двойником (понятие Ухтомского), в плену тех значков, в которых отложился его прежний опыт. Анциферов-литературовед в своей диссертации, посвященной урбанизму русской литературы [17], иллюстрирует этот способ миропознания образом-понятием «фланер» (в бодлеровском бескорыстном², а не в беньяминовском политизированном смысле; вспомним данное Ухтомским определение реальной науки как наблюдательной) для воссоздания идеографического, или «экскурсионного», метода познания Петербурга Достоевским — «“портретного” изображения районов, улиц, домов» [20. С. 123], примененного им для постижения дальнего, пророческого (концептуального) слоя его исторических смыслов. Фланер — это Раскольников, которым Достоевский «пользуется», чтобы постичь сущность определенного исторического момента в жизни Петербурга. В отличие от Достоевского, внимание Некрасова «прежде всего, заострено на типом, — пишет Анциферов, — на том, что дает ему материал для обобщения. Некрасов не историк-идеограф. Он подходит к городу как социолог» [17. С. 212]. Если самозабвенный фланер и сновидец Раскольников являет Достоевского как «дальнозоркого» наблюдателя, предсказывая неизбежность преступления и наказания в грядущей русской истории, то предвзятое прочтение Петербурга злопамятным пролетаризированным «подростком» Некрасовым ведет к осуществлению больной раскольниковской «мечты». Бескорыстное наблюдение теперь уже Анциферова осуществляет задачу познания как восхождение от низших уровней идеографии к высшим — символическим, пророческим, концептуальным: знать, по Ухтомскому, значило предвидеть.

Жизненные траектории «точек зрения» — как бескорыстно идеографических, так и «подконтрольных идее» — были прочерчены Анциферовым в собранном им в знаменитой книге «Душа Петербурга» (1922) «текущем» образе любимого им города, который создавался русской литературой на протяжении 200 лет. Анциферов уходит от абстрактного понимания истины, чтобы утвердить истинность интуитивно-образного, поэтического самосознания культуры, наследственно передающегося из поколения в поколение и доказавшего свой жизнетворческий потенциал. «Точка зрения хронотопична, то есть включает в себя как пространственный, так и временной момент» [21. С. 337]. Таков шестой методологический вывод, следующий из концепции реальной науки, формулировки которой были предложены Ухтомским и усвоены Бахтиным.

Культура памяти

Из сказанного следует, что гуманитарная мысль объединенных личным знакомством Ухтомского, Анциферова, Золотарева решала философскую проблему понимания и генетически восходила к методам герменевтической экзегезы — понятия, не получившего в советской науке распространения. Почему? Потому что герменевтика, обращаясь к «бытию вещей», утверждает целостность культуры и ценность традиции и в этом устремлении противоположна номотетике марксистского метода, расслоившего историческую память на классово враждебные потоки. В отношении к быту как конкретной форме идеографии бытия коренятся основная причина неприятия герменевтики раннесоветской наукой и глубинное родство философского учения Ухтомского исторической и литературоведческой мысли Золотарева и Анциферова.

Культура памяти вошла в их творчество из русской религиозной традиции, хранителями которой были и Ухтомский, и Анциферов, и Золотарев. Для этой традиции нашел точное слово Николай Федоров: «Что для ученых история, то для неученых поминовение». Готовя к печати рукописную книгу Золотарева «Сампо santo моей памяти», В.Е. искал, как определить ее жанр. В ней

² «Человек <...> одаренный живым воображением, одиночка, без устали странствующий по великой человеческой пустыне <...> старается извлечь из преходящего элементы вечного» [18. С. 292]. Взгляд бодлеровского фланера предполагает идею праздного наблюдения, в отличие от прагматического поиска буржуа, «сочетает рассеянное скольжение с детальной цепкостью <...> с готовностью отдаться “дионисическому” опыту пребывания в городской толпе» [19].

угадываются приметы поминальных плачей, церковных акафистов, служб поминовения усопших. Показателен выбор тех, кому посвятил Золотарев мемориальные очерки. Наряду с выдающимися Ф. Шаляпиным, К. Пятницким, М. Горьким здесь встретятся очерки памяти бабушки В.Е. Зинаиды Ивановны Нифонтовой, рыбинского врача Константина Ливанова, печника дяди Миши Ботева — тех самых бесконечно малых величин русской культуры, о которых писал В.Е., цитируя Льва Толстого, и сам Алексей Золотарев: «Дядя Миша остался в моей памяти мастером своего печного дела, человеком, заслуживающим глубокого вдумчивого внимания. Ведь, по существу, именно такими людьми упорного, непрерывного труда, наследственно воспринятого от своих отцов и дедов, держится всякая культура» [4. С. 594]. Таково определение культуры Золотарева, которое с ним разделил В.Е. И таков замысел «Campo santo» — священного кладбища памяти, книги, посвященной исследованию феномена культуры.

Уникальный опыт «Campo Santo» — свидетельство признания личности высшей духовной ценностью, связующей прошлое и настоящее мира в единое пространство памяти, в пространственно-временное единство устремленного к совершенствованию человечества. Так, вертикальный хронотоп культуры сопрягается с идеей телеологичности истории, с признанием телеологичности творческих усилий человечества, в которых Золотарев находил оправдание ценности быта как бытия. В то же время в поисках связи времен, в стремлении исторически артикулировать минувшее, овладеть воспоминанием, вырвать традицию из плена обратного проецирования, которое стремится воцариться над нею, труды наших философов, оказавшихся забытыми, не сформировавших направления, но составивших дружескую и мировоззренческую общность, отвечают состоянию европейской мысли XX в. и свидетельствуют о новом состоянии отечественной культуры прошлого столетия, оказавшейся в советское время перед угрозой ориентированного на «массу», на «ничье» теоретического сознания. Ориентированность на лицо Другого объясняет принципиальную нетерминологичность использованной этими мыслителями терминологии. В то же время этим представителям вненаправленческой гуманитарной мысли принадлежит ряд понятий и концепций, таких как «доминанта на лицо другого», «заслуженный собеседник», «реальная наука», «фланер»/«наблюдатель», «дальнозоркость», «хронотоп», «идеография», «целокупность», введенных ими впервые в научный оборот или заимствованных у близких им по духу мыслителей. Методологически связанные друг с другом, эти понятия указывают на активную вовлеченность личности ученого в им вершимые познавательные процессы и призваны выявить в литературном памятнике причастность текста к жизненному общению — к истории. Такое понимание методологии литературоведения, содержащей в себе «одновременно и исток, питательный субстрат, и высшее интегрирующее начало, объединяющее и литературу, и науку о ней, и философию» [22. С. 112], было присуще В.Е. Хализеву. Не стремившийся изложить собственные взгляды, он оставил в своих трудах свидетельство отчетливо выраженной авторской позиции. Как справедливо пишут ученики В.Е., именно нравственно ориентированная философия жизни становится для него «той мировоззренческой точкой отсчета, которая задает систему координат, определяя предпочтения в сфере гуманитарной мысли, методологические установки, выбор авторов и аспектов для историко-литературных работ» [Там же].

Литература

1. Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность // Исследования по истории русской мысли: ежегодник. Т. 6: 2003 г. М.: Модест Колеров, 2004. С. 136–162.
2. Хализев В.Е. В кругу филологов. Воспоминания и портреты. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 360 с.

References

1. Antsiferov N.P. Istoricheskaja nauka kak odna iz form borbi za vechnost // Issledovaniia po istorii russkoi misli: ezhegodnik. T. 6: 2003 g. Moscow: Modest Kolerov, 2004. S. 136–162.
2. Khalizev V.E. V krugu filologov. Vospominaniia i portreti. Moscow: Progress-Pleyada, 2011. 360 s.

3. *Московская Д.С.* «Предмет нашей братской работы — город Ярославль...»: Н.П. Анциферов и А.А. Золотарев в горьковском проекте «История русских городов как история русского быта» // Ярославль: история, культура, быт / Н.П. Анциферов, А.А. Золотарев. Ярославль: Академия 76, 2019. 324 с.

4. *Золотарев А.А.* Campo santo moei pamiaty: memuary, khudozhestvennaia proza, stikhotvoreniia, publicistka, filosofskie proizvedeniia, vyskazyvaniia sovremennikov. SPb.: Rostok, 2016. 960 с.

5. *Никандрова О.В., Хализев В.Е.* Научные школы и вненаправленческое литературоведение России XX века // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 5. С. 36–54.

6. *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1: Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

7. *Сорокин П.* Социология № // Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. С. 27–32.

8. *Кареев Н.* Лекция о духе русской науки. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1885. 20 с.

9. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3. № 4. С. 487–508.

10. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 730 с.

11. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск: Рыбинское подворье: ОАО «Рыбинск. Дом печати», 1997. 574 с.

12. *Бахтин М.М.* Автор и герой: к эстетическим основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

13. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

14. *Михайлов А.В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН имени А.М. Горького, 2008. 176 с.

15. *Анциферов Н.П.* Беллетристика-краеведы (вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // Краеведение. 1927. Т. 4. № 1. С. 31–46.

16. *Михайлов А.В.* Глаз художника (художественное видение Гёте) // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 163–173.

17. *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 960 с.

18. *Бодлер Ш.* Об искусстве. М.: Искусство, 1986. 421 с.

19. *Новикова Н.* «Мыслящий калейдоскоп» Шарля Бодлера. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/4/myslyashhij-kalejdoskop-sharlya-bodlera.html?ysclid=mcxg34szwq667101471#_ftn1 (13.07.2025).

20. *Московская Д.С.* Диссертация Н.П. Анциферова «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе»: стенограмма защиты // Анциферов и петербургское краеведение: к 130-летию со дня рождения Н.П. Анциферова. СПб.: Скрипториум, 2019. С. 113–179.

21. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.

22. *Никандрова О.В., Холиков А.А.* Научное творчество В.Е. Хализева: философский аспект // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 99–114.

3. *Moskovskaia D.S.* “Predmet nashei bratskoi raboti — gorod Yaroslavl’...”: N.P. Antsiferov i A.A. Zolotarev v gorkovskom proekte “Istoriia russkikh gorodov kak istoriia russkogo bita” // Yaroslavl’: istoriia, kultura, byt / N.P. Antsiferov, A.A. Zolotarev. Yaroslavl’: Akademiia 76, 2019. 324 s.

4. *Zolotarev A.A.* Campo santo moei pamiaty: memuary, khudozhestvennaia proza, stikhotvoreniia, publicistka, filosofskie proizvedeniia, viskazyvaniia sovremennikov. St. Petesburg: Rostok, 2016. 960 s.

5. *Nikandrova O.V., Khalizev V.E.* Nauchnie shkoli i vnenapravlcheneskoe literaturovedenie Rossii XX veka // Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazika. 2014. T. 73. No. 5. S. 36–54.

6. *Zimmel G.* Izbrannoe. T. 1: Filosofiia kulturi. Moscow: Iurist, 1996. 671 s.

7. *Sorokin P.* Sociologiia No. 1 // Chelovek. Civilizaciia. Obshchestvo / P. Sorokin. Moscow: Politizdat, 1992. S. 27–32.

8. *Kareev N.* Lekciia o duhe russkoi nauki. Varshava: Tipografiia K. Kovalevskogo, 1885. 20 s.

9. *Grevs I.M.* Istoriia v kraevedenii // Kraevedenie. 1926. T. 3. No. 4. S. 487–508.

10. *Bakhtin M.M.* Sbranie sochinenii. T. 5: Raboti 1940-kh — nachala 1960-kh godov. Moscow: Russkie sloviri, 1997. 730 s.

11. *Ukhtomskii A.A.* Zasluzhennii sobesednik: etika, religiia, nauka. Rybinsk: Rybinskoe podvor’e: OAO “Rybinsk. Dom pechati”, 1997. 574 s.

12. *Bakhtin M.M.* Avtor i geroi: k esteticheskim osnovam gumanitarnikh nauk. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 336 s.

13. *Ukhtomskii A.A.* Dominanta. St. Petersburg: Piter, 2002. 448 s.

14. *Mikhailov A.V.* Metodi i stili literaturi. Moscow: IMLI RAN imeni A.M. Gorkogo, 2008. 176 s.

15. *Antsiferov N.P.* Belletristy-kraevedy (vopros o sviazi kraevedeniia s khudozhestvennoi literaturoi) // Kraevedenie. 1927. T. 4. No. 1. S. 31–46.

16. *Mikhailov A.V.* Glaz khudozhnika (khudozhestvennoe videnie Gete) // Traditsiia v istorii kulturi. Moscow: Nauka, 1978. S. 163–173.

17. *Antsiferov N.P.* Problemi urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature: opit postroeniia obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnikh tradicii. Moscow: IMLI RAN, 2009. 960 s.

18. *Bodler Sh.* Ob iskusstve. Moscow: Iskusstvo, 1986. 421 s.

19. *Novikova N.* “Misliashchii kaleidoskop” Sharlia Bodlera. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/4/myslyashhij-kalejdoskop-sharlya-bodlera.html?ysclid=mcxg34szwq667101471#_ftn1 (13.07.2025).

20. *Moskovskaia D.S.* Dissertatsiia N.P. Antsiferova “Problemi urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature”: stenogramma zashchiti // Antsiferov i peterburgskoe kraevedenie: k 130-letiiu so dnia rozhdeniia N.P. Antsiferova. St. Petersburg: Skriptorium, 2019. S. 113–179.

21. *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo, 1979. 445 s.

22. *Nikandrova O.V., Kholikov A.A.* Nauchnoe tvorchestvo V.E. Khalizeva: filosofskii aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 9: Filologiya. 2015. No. 3. S. 99–114.

Московская Дарья Сергеевна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

Moskovskaya Daria S.,
DSc in Philology,
Director of Research
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
e-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Статья поступила: 31.05.2025

Принята к печати: 20.07.2025